

писателей и анализ произведений. Безусловно, не все перечисленное следует вводить в план изучения каждой темы. Структура и содержание ее будут меняться в зависимости от характера литературного материала и тех задач, которые ставит перед собой учитель.

1. Аничкина Н.В. Изучение поэтики в школе : учебно-методическое пособие / Н.В. Аничкина. – Орск : ОГТИ, 2007. – 99 с.
2. Агеносов, В.В. Русская литература XIX – XX веков. Программа для 10-11 классов общеобразовательных учреждений В.В. Агеносов, А.Н. Архангельский. – М.: Дрофа, 2004. – 48 с.
3. В мире литературы: Программа по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-11 кл. Программа по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-12 кл. Программа по литературе для школ гуманитарного профиля. 10-11 кл. // А.Г. Кутузов, А.К. Киселёв, Е.С. Романичева и др. / Под ред. А.Г. Кутузова. – М.: Дрофа, 2004. – 160 с.
4. Литература : программы по литературе для общеобразовательных учреждений. 5-11 кл. / Т.Ф. Курдюмова, Н.А. Демидова, Е.Н. Колокольцев и др.; под ред. Т.Ф. Курдюмовой. – М. : Дрофа, 2006. – 93 с.
5. Программы общеобразовательных учреждений. Программа литературного образования. 10-11 кл. // В.Г. Маранцман, Е.К. Маранцман, Е.Р. Ядровская и др. / Под ред. В.Г. Маранцмана. – М.: Просвещение. 2005. – 176 с.
6. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 5-11 кл. (базовый уровень) // В.Я. Коровина. В.П. Журавлёв. В.И. Коровин, И.С. Збарский, В.П. Полухина / Под ред. В.Я. Коровиной. – М.: Просвещение, 2005. – 222 с.
7. Программа по литературе для 5-11 классов общеобразовательной школы / Авт – сост. Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев. – М.: ООО «ТИД «Русское слово» - РС», 2005. – 200 с.
8. Программа по литературе (5-11 кл.). Для школ и классов с углубленным изучением литературы, гимназий и лицеев гуманитарного профиля. Под ред. М.Б. Ладыгина // Программно-методические материалы. Литература. 5-11 кл. / Сост. Т.А. Калганова. – М.: Дрофа, 2002. – С. 206-295.
9. Примерные программы по русскому языку и литературе: Для среднего (полного) общего образования / О.Ю. Богданова, Е.А. Зинина (литература). – М.: Просвещение, 2002. – С. 19-63.
10. Русская литература. Программа для 10-11 классов общеобразовательных учреждений гуманитарного профиля / Под ред. Г.А. Обернихиной. – М.: Дрофа, 2003. – 80 с.
11. Программы общеобразовательных учреждений. Литература. 1-11 кл. / Под ред. Г.И. Беленького и Ю.И. Лысого. – М.: Мнемозина, 2001. – 78 с.
12. Федеральный Государственный Образовательный Стандарт <http://standart.edu.ru/attachment.aspx?id=370>

Вишневецкая В.В.

«Функции инверсии в стилистике английского языка» (на материале произведений Томаса Майна Рида)

*Новороссийский политехнический институт филиал КубГТУ
(Россия, Новороссийск)*

doi:10.18411/lj-06-2018-71

idsp: 000001:lj-06-2018-71

Аннотация

Инверсия в английском языке представляет большой интерес с точки зрения прагматического употребления и исследования различных единиц коммуникации. Прагматические особенности инверсии в английском языке являются областью малоизученной, но релевантной для реализации эмоционально-экспрессивного компонента коммуникации. Актуализация предложения и экспрессия пересекаются в плоскости прагматики как семантически и коммуникативно значимой категории, ибо здесь на передний план выдвигается говорящий субъект со всеми его интенциями. Существующая тесная связь между субъективным типом актуализации и эмоционально-экспрессивным компонентом коммуникации никогда не вызывала сомнений у лингвистов, однако, эта тема остаётся практически неисследованной. Анализ же инвертных предложений показывает, что при помощи инверсии выражается эмоционально-экспрессивный момент в коммуникации.

Ключевые слова: инверсия, эмоционально-экспрессивный компонент коммуникации, семантически и коммуникативно значимая категория, обособление.

Abstracts:

Inversion in English is of great interest in terms of pragmatic use and research of various units of communication. The pragmatic features of the inversion in English are an area of little studied, but relevant for the realization of the emotionally expressive component of communication.

Actualization of the sentence and expression intersect in the area of pragmatics as a semantically and communicatively meaningful category, for here the speaker with all his intentions comes to the fore. The existing close connection between the subjective type of actualization and the emotionally expressive component of communication has never raised doubts among linguists; however, this topic remains virtually unexplored. An analysis of the inverted sentences shows that with the help of inversion expresses an emotionally expressive moment in communication.

Key words: inversion, emotional-expressive component of communication, semantically and communicatively meaningful category, isolation.

В современной лингвистике стилистические исследования занимают важнейшее место. В зависимости от сферы применения языка, содержания высказывания, ситуации и целей общения выделяется несколько функционально-стилевых разновидностей, или стилей, характеризующихся определенной системой отбора и организации в них языковых средств. Изучением функциональных стилей, особенностей употребления в них языковых средств занимается стилистика.

Стилистическими объектами исследования являются единицы языковой системы всех уровней в их совокупности, т.е. это могут быть слова, звуки, словосочетания, предложения и т.д.

Опираясь на фонологию, орфоэпию, лексикологию и грамматику, стилистика учит сознательному использованию их законов, определяет, насколько средства языка, соответствующие его нормам, отвечают целям и сфере общения, учит четко, доходчиво и ярко выражать мысль, выбирая из нескольких однородных языковых единиц, близких или тождественных по значению, но отличающихся какими-либо оттенками, наиболее точные.[3]

Инверсия в английском языке представляет большой интерес с точки зрения прагматического употребления и исследования различных единиц коммуникации. Прагматические особенности инверсии в английском языке являются областью малоизученной, но релевантной для реализации эмоционально-экспрессивного компонента коммуникации. Актуализация предложения и экспрессия пересекаются в плоскости прагматики как семантически и коммуникативно значимой категории, ибо здесь на передний план выдвигается говорящий субъект со всеми его интенциями. Существующая тесная связь между субъективным типом актуализации и эмоционально-экспрессивным компонентом коммуникации никогда не вызывала сомнений у лингвистов, однако, эта тема остаётся практически неисследованной. Анализ же инвертных предложений показывает, что при помощи инверсии выражается эмоционально-экспрессивный момент в коммуникации.[4]

При коммуникации язык может выполнять сразу несколько функций, а значит, любой текст необходимо изучать с трёх сторон: как он функционирует в коммуникативной ситуации; какая у него структура, то есть, как его части связаны в целое; какое содержание он в себе несет.

Язык, в каждой функции, фокусируется то на «говорящем», как при экспрессивной функции, то на «получателе», как при функции воздействия, то на содержании, как при информационной функции. При металингвистической функции язык фокусируется на коде, т.е. языковом, при интеракциональной функции язык используется для связи

«говорящего» и «получателя», при контекстуальной функции язык фокусируется на контексте, при поэтической функции он направлен на код и содержание одновременно.

Мы бы хотели рассмотреть все эти функции языка, особенно те, в которых может возникать явление инверсии. Если просто передается информация то это явление не возникает. Оно проявляется лишь при передаче эмоций и настроений, используя текст, то есть мы рассматриваем эмоционально-экспрессивную функцию языка.

В.Г. Адмони, выделяя эмоциональную функцию порядка слов в предложении, в качестве самостоятельной основы, главное значение усматривает в создании повышенного эмоционального содержания синтаксических единств, что достигается, по его мнению, «измененной» формой исходного порядка слов. Такая позиция понятий «исходный» и «измененный» порядок слов как отклонение от нормы встречается в работах многих авторов, но это следует объяснить традицией, связанной с идеей европейского рационализма. Синтаксис же естественного языка постоянно вступает в конфликт с иконическими нормами, что свидетельствует не о нарушении норм, а о том, что «нормы» несовершенны. Современные грамматики английского языка начинают избегать подразделения порядка слов на «нормальный» и «ненормальный».[1]

Споры о “нормальном, нейтральном, не эмфатическом” и “ненормальном, особом, эмфатическом” порядке слов всегда не давали покоя стилистам и лингвистам [5]. Проблема местоположения членов предложения «проблема инверсии» исследуется учеными с момента зарождения науки «риторики». Сначала порядок слов “общепринятый” просто фиксировался, затем грамматика стала рассматривать связи между членами предложения и «синтаксические отношения членов предложения», а уже затем стилистика, как наука обо всем выразительном, окрашенном, выдвинутом, стала рассматривать «отклонения от общепринятого» и определять их назначение в речевых единицах.

Гальперин И.Р. в своем труде «Очерки по стилистике английского языка» определяет так функции науки, занимающейся всем “необычным, отличающимся и экстраординарным”: «Стилистика языка изучает синтаксические выразительные средства языка и синтаксические стилистические приемы, создающие особую организацию высказывания, отличающую такое высказывание от высказывания в условно называемой нами «нейтральной» форме изложения».[6]

Инверсия, будучи “отклонением от нормы”, как раз и входит в предмет изучения стилистики. Стилистика рассматривает её эффект в речи. Грамматика также рассматривает инверсию, в свою очередь, как нарушение грамматических правил строения предложения. Грамматика описывает какой из членов предложения “выдвинут или выделен”, а стилистика, какой эффект даст выдвижение именно этого члена предложения на общую структуру текста или на определенный контекст.

“ В самом деле, проблема инверсии рассматривается и в грамматике, и в стилистике”. Так конструкция типа “Only then have we made up our mind to move there” называется стилистической инверсией в курсах грамматики и грамматической инверсией в курсе стилистики. Видимо, поэтому очень трудно назвать некоторые явные грамматические нарушения ошибками. Раз уж они имеют место быть, их можно назвать “отклонениями”. Грамматика в данном случае должна считаться со стилистикой и функциями её подчиненных.

Большинство стилистов сходятся во мнении, что “... уклонения от нормы нельзя рассматривать как ошибки.” [1] Считается, что именно в такого рода отклонениях, основанных на живых процессах языка, иногда скрывается индивидуально-творческая манера автора. Если подобное отклонение часто используется в индивидуально-художественном стиле разных писателей, оно может постепенно типизироваться, получив право на существование в стилистике языка, а затем при выработке определенных и твердых норм использования такого рода отклонений, и в области грамматики. Поэтому

“чёткую демакрационную линию между грамматическим и стилистическим в синтаксисе провести трудно, а иногда и невозможно”.

В текстах Томаса Майна Рида можно проследить «нестандартность» грамматической структуры, которая придает яркую эмоциональную окраску тексту, если автор использует инверсионные конструкции. Выделение подлежащего как слова, несущего на себе наибольшую смысловую нагрузку в предложении, возможно различными способами. Основным способом выделения из них является, конечно же, порядок слов. Интенсификацию и способы смыслового выделения подлежащего, как члена предложения, можно довольно таки просто вычленив в тексте. Так подлежащее не всегда выражает то, о чем говорится в предложении. Подлежащее может быть также и тем, что сообщается в предложении, т. е. оно может быть семантически главным.

Инверсия в целях выделения подлежащего используется в современном английском языке лишь в ограниченном количестве случаев, только при следующем содержании предложения: «в определенных условиях или месте или времени, находится, т. е. существует тот или иной предмет».[6]

Сказуемое в предложениях может быть выражено переходными глаголами, выражающими форму существования или бытия, например: *todwell, toexist, toremain*; положение в пространстве может быть выражено глаголами: *tostay, tosit, tolie, tohang*; а движение: *tofollow, torush, tomove, topass, toflow, tofly, toarise, togallop, tocreep, torun* и т. п.; а в появлении или возникновении и развитии действия могут использоваться такие глаголы как: *toarrive, tocome, toenter, toemerge*.

“There was something like a lie outlined upon his features as he muttered the last reflection. In his actions too; behind the rock — still kept looking over it.”[15]

Иногда сказуемое в таких предложениях выражено глаголом в страдательном залоге, что явно выделяет в предложении измененный порядок слов:

“The cigar became shortened to a stump, and still those silvery voices were heard mingling with the hoarse symphony of the sea — the latter, each moment growing louder as the tide continued to rise.”[15]

Зачастую первый элемент конструкции, т. е. обстоятельство иногда отсутствует и тогда на первый план выступает сказуемое:

“In this way had the trio become disposed, as the explorer, after discovering the obstruction to his progress, turned back along the strand — their silence leading him to believe they had taken departure.”[15]

Мы можем проследить, как подлежащее выделяется с помощью инверсии также в эллиптических конструкциях, начинающихся с *soineither*, целью которых является отнесение содержания сказуемого предыдущего предложения к другому субъекту:

“Still nothing to be seen below!Neither woman nor human being. Not a spot on which one might find footing. No beach above water-no shoal, rock, or ledge, projecting from the precipice — no standing-place of any kind.”[15]

Конструкция сводящим *there* утверждает наличие или отсутствие какого-либо предмета в определенных условиях, в данном месте или в данное время при определенных обстоятельствах и тому есть соответствующее подтверждение:

“Then there is no alternative but to try swimming,” said the stranger, once more facing seaward, and again scrutinizing the surf. “No!” he added, apparently recoiling from the design.”[15]

Если подлежащее стоит под ударением тогда за глаголом-сказуемым следует инверсия, подлежащее может быть также одним из других переходных глаголов. Формы лица и числа глагола всегда ориентируются на слово, которым выражено подлежащее:

“As there was no time for either ceremony or dispute, Cornelia accepted the suggestion. The stranger could have no choice.”[15]

Подлежащее после вводящего *there* может быть выражено не только существительным, но и отрицательным местоимением, местоименным словосочетанием. В большинстве случаев существительное в конструкции с вводящим *there* употребляется с неопределенным артиклем или без артикля. Употребление определенного артикля, однако, не исключается. Часто употребление определенного артикля в таких случаях обусловлено стилистически, также находит отражение в переводе.

Место прямого дополнения в английском языке не является абсолютно фиксированным, так в ряде случаев прямое дополнение может стоять перед подлежащим в начале предложения, оно может также следовать за обстоятельством.

Прямое дополнение стоит в начале предложения в силу связи его с предшествующим предложением или с предыдущим контекстом, т. е. оно повторяет уже известное из предыдущего изложения, т.е. контекста:

“Kicked out of the British service! Lying cur, to have said it! To have thought of such a thing! And from what I've heard it's but a leaf from his own history! This may have suggested it. I don't believe he's any longer in the Guards: else what should he be doing out here?”[15]

Дополнение с определениями, реже — без них может стоять перед главными членами предложения, не повторяя предыдущее изложение; при этом оно выделено также и интонационно, т.е. ударением, а иногда и усилительными словами такими как: *such, rather* и другими.

а) без инверсии, где подлежащее стоит перед сказуемым:

“Once inside his own apartment, the air of the nobleman was suddenly abandoned. So, too, the supposed resemblance in speech. His talk was now that of a commoner — intoxicated. It was addressed to his valet, still sitting up to receive him”.[15]

“Such is a brief sketch of the life of Richard Tarleton — that portion of it spent in the north-eastern corner of Arkansas. No wonder, with such a record, he felt constrained to do his traveling by night!”[16]

б) счастливой инверсией:

“Twice before had he done so, obtaining by it a sort of borrowed éclat that was mistaken for bravery”.[15]

При этом, наряду с порядком слов часто применяются особые стилистические приемы такие как: повторы, противопоставления и другие, все это усиливает конструкцию в сочетании с определенной интонацией:

“Fellow campaigners — as friends — they had stood side by side under the hissing hail-storm of battle. Side by side had they charged up the difficult steep of Chapultepec, in the face of howitzers belching forth their deadly shower of shot — side by side fallen on the crest of the counterscarp, their blood streaming untidy into the ditch”.[15]

В данном примере *sidebysideunderthehissinghail-stormofbattle* дополнение противопоставлено *sidebysidefallenonthecrestofthecounterscarp* подлежащему следующего предложения: противопоставление достигнуто необычным порядком слов в первом предложении, где дополнение вынесено на первое место.

Дополнение может стоять после обстоятельств; конечное положение дополнения выделяет его в предложении; при этом выделяемое слово, т.е. дополнение, может быть распространено развернутым постпозитивным определением:

“Of all men, Dick Swinton!” soliloquized he while waiting for the mixture. "It's true, then, that he's been turned out of his regiment. No more than he deserved, and I expected. Confound the scamp! I wonder what's brought him out here? Some card-sharpping expedition, I suppose — a razzia on the pigeon-roosts of America! Apparently

under the patronage of Girdwood mère, and evidently in pursuit of Girdwood fille. How has he got introduced to them? I'd bet high they don't know much about him.”[15]

Кроме порядка слов, средством выделения дополнения в предложении может служить смысловое ударение, а на письме такое дополнение обозначается курсивом:

“They can have him at their own price. Caveat emptor. For this little contretemps I needn't blame him, though I'd give twenty dollars to have an excuse for tweaking his nose!”[15]

Обстоятельства времени и реже места могут стоять также в начале предложения; в этом случае обстоятельство обозначает исходный пункт мысли:

“At the bottom of the scale may be placed Bill Buck, whose father, half horse-trader, half corn-planter, squats on a tract of poor land near the Cache, of which no one cares to dispute his proprietorship”.[16]

а) безвыделения подлежащего:

“In their smoking there might be noted a difference, Bill indulging in a corn-cob pipe, while the son of the planter puffs his "principle", that has come through the custom-house from Havana”.[16]

б) с выделением подлежащего, т.е. полная инверсия:

“All six succeed in reaching the limb, and catching it. All can hang for a time; but In this Bill Buck beats his companions, Brandon showing chagrin”.[15]

Основными способами смыслового выделения обстоятельства в предложении могут быть, например «местоположение»:

а) обстоятельство может быть выделено постановкой его на первое место в предложении, если обстоятельство выражает отрицание или усиленное ограничение. При этом в предложении всегда имеет место частичная инверсия:

“In an instant the hounds are after it, some of them already hanging to its hams; while the six hunters suddenly rush to their guns, and flinging themselves into their saddles, oblivious of all else, spur excitedly after”.[16]

б) обстоятельство образа действия может выделяться вынесением на первое место в предложении, часто с интонационным обособлением:

“If not quite so quick as lightning, yet as fast as her feet can carry her, the young girl starts along the trace leading to the shanty”.[16]

в) особо следует отметить случаи эмфатического выделения наречий со значением направления движения: *on, off, away, up, down, around*. Постановка таких наречий на первое место создает впечатление резкого, порывистого движения:

“Slow, and with better thoughts, they ride off — each to return to his own home — leaving Jerry Book alone, to chuckle over the accursed compact”.[16]

В современном английском языке из всех знаменательных глаголов только *to have* употребляется в вопросительных предложениях с полной инверсией, т. е. без вспомогательного глагола *to do*:

“The animal has just succumbed under the trenchant teeth of their dogs, and a bullet or two from their rifles. Nor have the hounds come off unscathed”.[16]

а) в разговорном стиле речи, однако, существует тенденция к употреблению вспомогательного *to do* и с глаголом *to have*:

“We know where *it* lies; we've had good reason to. We've been fools to let it lie there so long; and we'd be softer still to let it lie there any longer.”
“What do you have to propose, Alf?”[16]

б) в бессоюзных придаточных предложениях условия в случае, если сказуемое выражено глаголом в сослагательном наклонении, используется частичная инверсия:

“Had she been there before...”

В современной лингвистической литературе существует понятие «обособление», т.е. это такие интонационно-смысловые отрезки речи, которые образуются путем выделения того или другого второстепенного члена предложения, возможно одного или с относящимися к нему и зависящими от него словами. Другими словами, обособленные второстепенные члены предложения представляют собой одну из разновидностей выделяемых в предложении интонационно-смысловых отрезков, но обязательно таких, которые представляют собой грамматически связанное целое.

Такое определение обособления нельзя полностью применить к английскому языку в связи с характерными особенностями строя этого языка, его значительной аналитичностью и более тесной структурно-синтаксической связью между компонентами высказывания.

Однако, под обособленными членами предложения мы понимаем такие части высказывания, а это обычно второстепенные члены предложения, которые в силу разрыва привычных синтаксических связей оказываются изолированными от тех главных членов предложения, от которых они обычно зависят. Вэтомотношенииобособлениеиеродственнойинверсии.

“This was the argument on his side; and, trusting to his attractions, he still fancied himself pretty sure of being able to make a conquest of the American — even to making her the victim of an illegal marriage.”[15]

“Next to Master Brandon in degree of social standing is a youth who is also two years his junior, by name Randall. He is the son of a certain lawyer, late promoted to be judge of the district — an office that cannot be called a sinecure, supposing its duties to be faithfully performed.”[16]

Сущность приема обособления и его стилистические функции достаточно полно определены академиком Виноградовым: «Обособленные члены и обособленные конструкции представляют собой своеобразные смысловые синтаксические единства внутри предложения выделяемые средствами инверсии и интонации, с целью придать более сильную выразительность содержащемуся в них понятию, образу, характеристике. Обособленные члены предложения обычно наполнены живой экспрессией, подчеркиваются логически или эмоционально; но от этого они не перестают быть второстепенными членами в грамматическом смысле. Хотя обособленный член предложения интонационно ставится в своеобразные синтаксические отношения к остальной, и вместе с тем основной, части предложения, хотя он приобретает относительно больший синтаксический вес по сравнению с соответствующим членом предложения, не подвергшимся обособлению, но он не перестает быть в структуре целого предложения вторичным и второстепенным его членом, синтаксически связанным с его основным предикативным ядром». [2]

Между главными членами предложения и обособленными второстепенными членами предложения существует связь, хотя и прерванная. Эта связь становится тем менее заметной, чем резче само обособление ощущается.

Действительно, обособленные члены предложения обладают большей самостоятельностью, большей смысловой значимостью, большей выразительностью. Как известно выразительность во многих случаях определяется интонационными средствами. Обособление является приемом письменного типа речи и поэтому интонационное выделение лишь подсказывается соответствующим местоположением обособленных членов предложения в составе всего предложения. Иными словами, интонационное выделение является функцией синтаксического положения обособленного члена предложения. Основным же содержанием обособления является разрыв существующих привычных традиционных связей между членами предложения. Разрыв синтаксических связей вызывает и более длительную паузу перед обособленным членом, изменение интонационного рисунка при произнесении, более сильного ударения и т. д.

Как инверсия, так и обособление выделяют определенные смысловые высказывания благодаря нарушению привычных связей в предложении. Интонационное выделение в свою очередь ведет за собой более сильную стилистически-смысловую нагрузку выделенных членов предложения.

В литературных произведениях авторы часто прибегают к нарушениям синтаксических связей слов, так как подобное нарушение придает, как принято говорить, большую «самостоятельность» словам или словосочетаниям.

Обособление, как стилистический прием, является типизацией особенностей синтаксиса устного типа речи. В этом типе речи особо часты случаи разрыва привычных синтаксических связей, нарушения управления, согласования и т. д.

Обособлению могут подвергаться не только отдельные слова и словосочетания, но и целые высказывания, отдельные номинативные предложения, которые, если бы они не оказались в составе сложного синтаксического целого могли бы представлять собой самостоятельные назывные предложения.¹ Их обособление, таким образом, является лишь функцией логических, а не синтаксических связей. С другой стороны, иногда синтаксическая разорванность предложений, фрагментарность способствует большему логическому выделению отдельных частей предложения, фактически не имеющих этой смысловой независимости.

На основе произведений Томаса Майна Рида был выполнен анализ стилистической функций инверсии. Данные примеры были взяты из произведения “TheChildWife” и “TheHelplessHand”.

“That he was only an amateur sportsman, his style of dress plainly proclaimed. More plainly did it bespeak the soldier. A forage cap, that had evidently seen service, half shadowed a face whose deep sun-tan told of that service being done in a tropical clime; while the tint, still fresh and warm, was evidence of recent return. A plain frock-coat, of civilian cut, close buttoned; a pair of dark-blue pantaloons, with well-made boots below them, completed his semi-military costume. Added: that these garments were fitted upon a figure calculated to display them to the utmost advantage.”[16]

Как было установлено в теоретической части, инверсия и в этой части выполняет прежде всего различные функции, которые, в свою очередь, служат для усиления или выделения этого фрагмента из остального потока текста.

Начнем с грамматической функции инверсии в этом примере. Приведенный отрывок является инверсией третьего типа по Гальперину. Здесь именная часть сказуемого стоит перед глаголом-связкой, и оба они перед подлежащим.

Для того, чтобы лучше ощутить какую нагрузку несет инверсия, сравним порядок слов выделенного предложения с традиционным. При обычном порядке слов именная часть сказуемого стоит в безударной позиции, следовательно, никакого логико-информативного или экспрессивного эффекта не несет в себе. А при перестановке членов предложения, используемым прошедшим причастием, конструкция приобретает дополнительный эффект, то есть, начинает выполнять дополнительные, а в данном случае эмоционально-экспрессивную функции в предложении. Автор, вынеся сказуемое перед подлежащим, делает эмфатическое ударение на смысле, который передает эта часть.

В данном примере необходимо также учесть и другой стилистический прием, которым воспользовался автор, и который усиливает эффект инверсии, а именно параллелизм или повторение **“... thathadevidentlyseenservice... thatservicebeingdoneinatropicalclime.”**

Исследуемый отрывок позволяет сделать вывод о том, что в данном примере инверсия выполняет сразу несколько функций: грамматическую и эмоционально-экспрессивную. Инверсия в данном случае усиливает тоскливую и обреченную атмосферу всего отрывка.

Интересны функции инверсии в следующем примере из “*Childwife*” Т.М.Рида:

“Mazzini has done it, in direct opposition to my wishes and judgment. Mazzini is too sanguine. So are Turr and the others. They count on the Hungarian regiments stationed there, with the influence of my name among them. Giuseppe has taken a liberty with it, by using an old proclamation of mine, addressed to those regiments, while I was still prisoner at Kutayah. He has put it forth at Milan, only altering the date.”[15]

На первый взгляд может показаться, что основной стилистический прием, использованный в этом предложении и придающий ему определенную эмоциональную окраску, это повтор оборотов **“hasdoneit, hastakenit, hasputit”**. Однако при более внимательном анализе видно, что повтор здесь выступает не в своей основной стилистической функции, а в дополнительной функции, функции фона, на котором отчетливее выступают, вынесенные на первое место обстоятельственные слова **“indirectoppositionto mywishesandjudgment,...anoldproclamationofmine, addressedtothoseregiments,. onlyalteringthedata...”** являются основным средством стилистического воздействия на читателя. Необходимо отметить, что когда повтор имеет функцию усиления, то предложение подсказывает соответствующую эмфатическую интонацию; когда же повтор имеет функцию фона, как в данном примере, то повторяемые слова не имеют эмфатической интонации. Интонация во всех случаях падающая.

Анализируя разнообразные стилистические функции инверсии, необходимо иметь в виду, что всякая перестановка, нарушающая, в большей или меньшей степени, привычный порядок слов, влечет за собой либо изменение логического содержания предложения, либо сообщает дополнительную эмоциональную окраску всему высказыванию. Как было указано выше, это главным образом связано с тем, что в литературном английском языке, имеющем длительную историю развития, постановка главных и второстепенных членов предложения более или менее локализуется. «Даже в тех языках», в которых все члены предложений получают полную возможность своего отличительного друг от друга оформления, все же сохраняется тенденция к соблюдению общепринятого в пределах каждого языка размещения слов».

Тенденцию к соблюдению общепринятого размещения слов в английском языке нельзя рассматривать как строгую фиксированность элементов предложения. Понятие «строгая фиксация» и «общепринятое» — понятия неравнозначные. Однако Адмони, сравнивая порядок слов в русском, английском и немецком языках, пишет: «В этом отношении, т. е. с точки зрения переплетения фиксированных и нефиксированных элементов, немецкий язык отличается как от русского языка, в котором вообще отсутствует строгая фиксированность элементов предложения, так и от некоторых других западноевропейских языков, например, английского, в которых строгая фиксация, охватывающая значительно большее число элементов предложения, определяет по сути дела все слово, расположение в предложении в целом».[1]

В английском литературном языке за инверсией постепенно закрепляется стилистическая функция выделения одного из членов высказывания в логическом плане, либо выделение всего высказывания в целом в эмоциональном плане. Как правило, инвертированный порядок слов, преследующий стилистические цели, в основном, достояние письменного типа речи. Редко можно встретить перестановки атрибутивно-предикативные в устной речи даже возбужденного характера.

Итак, анализ примеров инверсии в английском языке показал, что она может выполнять различные функции в высказываниях. Эти функции, в свою очередь, служат для различных целей авторов. Иногда они служат для выделения определенного слова, фразы в общем потоке текста, чтобы читатель запомнил название, мето или услугу. Иногда различные функции инверсии служат для повышения экспрессивности высказывания, чтобы воздействие на читателя также повышалось. Иногда при помощи

инверсии, а это ее логико-информативная функция, повышается информативность всего высказывания и всего текста, его окружающего, чтобы, опять же, привлечь внимание читателя.

Функция интенсификации служит для усиления эмфатического ударения на определенном слове, для создания определенного образа в произведении.

Грамматическая же функция присутствует везде, во всех примерах.

1. Адмони В.Г. Грамматический строй языка как система построения и общая теория грамматики. Л.: Наука, 1988.
2. Виноградов В.В. Общее языкознание. М., 1972.
3. Вишневецкая В.В. Диссертация: «Лингвистические особенности художественного мира произведений приключенческого жанра» (на материале творчества Томаса М. Рида), 2007, Краснодар, КубГУ.
4. Вишневецкая В.В. Стилистический аспект в создании художественного образа персонажа (на материале творчества Томаса Майна Рида). Научно-практический журнал Современная наука. Актуальные проблемы теории и практики. №3. Москва, 2012.
5. Гальперин И.Р. О понятиях “стиль” и “стилистика”// Вопросы языкознания/ № 3, 1973.
6. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
7. Лингвистические исследования// Сборник науч. трудов. Кемерово, 1987.
8. Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1986. Вып. 18.
9. Общее языкознание. Методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1973.
10. Прагматические условия функционирования языка. М, 1987.
11. Психолингвистические проблемы грамматики. М, 1988.
12. Спорные вопросы английской грамматики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
13. Теория функциональной грамматики. С.-Петербург, “Наука”, 1992.
14. Шевякова В.Е. Современный английский язык: Порядок слов, актуальное членение, интонации. М., 1980.
15. The Child Wife by captain T. Mayne Reid. London - George Routledge&Sons, limited New York: E.P. Dutton & CO, 1905.
16. The Helpless Hand; or, a Tale of Backwoods Retribution by capt. T. Mayne Reid . Beadle's half dime Library, Vol. VI, No. 137, March 9, 1880.

Даниярулу Гаалайбек, Костина И.А.

Оппозитивный анализ как инструмент компонентного анализа

*Стерлитамакский филиал Башкирского Государственного Университета
(Россия, Стерлитамак)*

doi:10.18411/lj-06-2018-72

idsp: 000001:lj-06-2018-72

Аннотация

В статье рассматривается оппозитивный анализ как часть компонентного анализа и метода семантического поля. Существуют нулевая, привативная, эквиполентная и дизъюнктивная виды оппозиций, которые показывают разные семантические отношения в языке.

Ключевые слова. оппозиция, компонентный анализ, нулевая оппозиция, привативная оппозиция, эквиполентная оппозиция, дизъюнктивная оппозиция.

Annotation

In this article oppositional analysis is considered as a part of componential analysis and semantic field method. There are zero, private, equipollent and disjunctive types of oppositions, reflecting semantic relations in language.

Key words. opposition, componential analysis, zero opposition, private opposition, equipollent opposition, disjunctive opposition.